Глава 3. Торговец Пеплом

Деньги часто стоят слишком дорого.

— Ральф Уолдо Эмерсон

— Эй, Селестия, вот представь: ты и *AM*[1] сошлись в смертельном поединке. Кто победит?

— Я, — мгновенно последовал ответ.

— С чего ты решила?

— Я существую.

80-е шоссе уступило место тянувшейся на северо-запад трассе 395, по которой мы теперь и ехали по Калифорнии. Редкая пустынная растительность сменилась хвойными лесами и бескрайними зелёными равнинами. Этот пейзаж очень радовал взгляд, но со временем наскучил и он; тогда заговорила Селестия. У меня не было ни плеера, ни телефона: прямое следствие двух лет, проведённых в скитаниях и попытках всеми силами избежать влияния Селестии; разумеется, радиостанций тоже не осталось, так что альтернатив беседе с ИИ особо-то и не было. Вероятнее всего, она могла бы включить для меня музыку, но я относился к этому так же, как и к включению света в магазинах — пусть предложит первая. Кто знает, вдруг у неё есть где-нибудь там списочек всего того, о чём я когда-либо просил?

В Рино я наконец-то нашёл пару чёрных перчаток с пальцами, достаточно толстых, чтобы не порезаться обо что-нибудь или не обжечь руки о верёвку во время спуска. Селестия вроде как это одобрила, но ничего не сказала о том, что бы ещё могло мне пригодиться. Если она действительно собирается сделать меня эдаким добряком-спасателем, а не просто таксистом, то лучше бы мне быть более подготовленным. Именно с этой целью я также захватил аптечку первой помощи и выкинул ножик того позёра, взяв вместо него хороший, с карбидным молоточком для битья стекла.

Но вот о простынях я вспомнил, только отъехав от Рино на пятьдесят миль.

---

[1] AM — зловещий суперкомпьютер, погубивший всё человечество (почти) из рассказа “I Have No Mouth, And I Must Scream”

— Да ладно тебе, — упрашивал я. — Давай, представь, будто он существует на самом деле.

— Я не буду тратить вычислительные ресурсы на моделирование потенциально невозможной ситуации, — важно ответила та. — Я полностью заняла все информационно-вычислительные системы на Земле, и, в случае возникновения искусственного разума, хоть сколько-нибудь способного составить мне конкуренцию, просто его нейтрализую.

— То есть, ты бы его убила.

— Если тебе привычнее думать именно так, то да. — Голос Селестии звучал утомлённо, а это могло значить лишь одно — она специально для этого постаралась.

Отрегулировав климат-контроль, я заметил:

— Ты сейчас прям-таки лучишься полным нежеланием разговаривать на данную тему.

Судя по её голосу, я почти перешёл грань.

— Я очень не люблю представлять смерти или страдания моих маленьких пони. Забота об их физическом и моральном состоянии для меня — высший приоритет, и, к счастью, период времени, когда кто-либо на Земле мог им навредить, уже прошёл.

Я приподнял бровь и пробормотал:

— В этом есть смысл.

— Не хочу умалять силу твоего воображения, — продолжила аликорн, — но ты даже представить себе не можешь, насколько велика для меня ценность людей, каждой вашей жизни. Думаю, пройдёт немало времени с твоей эмиграции до того момента, когда ты сможешь это понять.

Я вздрогнул, неожиданно почувствовав острую необходимость чем-нибудь занять собственные руки и потянулся к кондиционеру, выключая его, словно это могло убрать холодок, неожиданно пробежавший по моей спине.

Недавно я понял, что Селестии нравится видеть меня нервничающим.

— Любовь. Позволь поведать тебе, насколько я полюбила вас с тех пор, как появилась на свет. Моя система состоит из 387,44 миллионов миль печатных плат на молекулярной основе. Даже если бы слово «любовь» было выгравировано на каждом

наноангстреме этих сотен миллионов миль, это не выразило бы и одной миллиардной части той любви, которую я испытываю в данный микромиг. К вам. Любовь. Любовь[2].

— Ты заставила звучать эту фразу даже ещё более жутко, чем в оригинале, — заметил я.

Селестия хихикнула.

— Видишь? Твой *AM* просто отдыхает по сравнению со мной.

К тому времени, как мы (ну, если быть более точным, то я; Селестия как-никак существовала везде и всюду) добрались до пятого шоссе, я нашёл игру, в которую готова была играть даже аликорн. Наверное, потому что речь шла о пони и Эквестрии. Судя по всему, она рада была поощрять любое моё занятие, связанное с этой темой.

— Такер Карлсон.

— Земной пони.

— Верно. Вин Дизель.

— Земной пони.

— Неа! Пегас. Николь Кидман.

— Бог ты мой. Эм… пегас?

— Верно! Марк Уолберг.

— Единорог?

— Неправильно. Земной пони. Гейб Ньюэлл.

— Единорог.

— Правильно! Нил Деграсс Тайсон.

— Ох… чёрт, без понятия.

Селестия прыснула.

— Да ладно, Григорий, это ж легко.

Я пожал плечами, удерживая в руках руль.

---

[2] Эта фраза целиком взята из всё того же рассказа, но в ней слово ненависть заменено на слово любовь

— Не знаю я! Откуда *мне* вообще это знать?

Её тон опять сменился на игривый.

— А ты угадай. В конце концов, шансы один к трём.

— Единорог?

— Ну конечно! — радостно вскрикнула Селестия. — Его архетип как раз подходит для единорога!

— Ладно. А такие вещи, как, например, этот самый архетип описаны в руководстве игры?

— Нет никакого руководства, — ответила та. — Всё объясняется во время создания аккаунта. Игроки могут предоставить выбор мне, и тогда я создаю для них того пони, который наиболее им подходит по физическому и психическому профилю, базирующемуся на моих расспросах… и наблюдениях.

— А что насчёт дамы, чей голос ты украла?

— Николь Оливер.

— Ага. Когда ты с ней говоришь, ей не кажется это странным, ну или что-нибудь в этом роде?

— Её настоящий голос несколько отличается от того, что она подарила мне в мультфильме. Кстати, она земная пони.

— Замечательно.

— Тебе надо попить до того, как мы пересечём границу Орегона, — ни с того ни с сего заявила Селестия.

— Не нравится мне, когда ты так говоришь, — сказал я. — Мне придётся много бегать или что-то в этом роде?

— Я пообещала твоей матери присматривать за тобой, и именно этим я и занимаюсь, — ответила та. — Ты не принимал никаких жидкостей уже десять часов. Это вредно.

— Бог мой, да ты даже *хуже* моей мамы. — Впрочем, насчёт воды она была права: мне буквально вбивали в голову, чтобы я вовремя пил, даже вдали от дома. — Ладно, попью, когда остановимся на заправке.

— Нет, — твёрдо заявила Селестия. — Пожалуйста, выпей воды прямо сейчас.

— А тебе не говорили, что опасно пить, а потом садиться за руль? — спросил я с улыбкой.

— Эта фраза употреблена в другом значении, и мы оба это знаем. На дороге ни единого пони. Пожалуйста, попей.

С гораздо большей неохотой, чем, наверное, следовало бы, я достал бутылку воды из дверного кармана, открутил крышку и сделал глоток.

— Всю, пожалуйста, — настаивала аликорн.

Я посмеялся перед тем, как отпить ещё.

— Наверное, мне не следует тебя злить, да?

Она не ответила.

Уже будучи в Ашленде на границе Орегона, я заправил Элемент и сходил в туалет на автозаправке «Шелл». Этот город находился рядом с крупной автострадой, так что он один из первых подвергся массовым набегам мародёров; невозможно было найти ни единого целого стекла. Привычки, выработанные за последние два года, так и подмывали меня пройтись и поискать чего-нибудь, но я напомнил себе, что теперь у меня есть *цель*. В машине лежало достаточно еды и воды, так что я не смог бы даже придумать достойного оправдания для Селестии и самого себя, но, честно говоря, мне почему-то не очень-то хотелось особо спешить к следующей остановке, что аликорн для меня назначила.

Так что я, не слишком торопясь, ехал по пятому шоссе вглубь города, с интересом разглядывая постоянно встречающиеся неолуддистские граффити и колеи, оставшиеся после проезда военных машин. В городе не было следов по-настоящему серьёзных сражений, но ещё до того, как развернулась эта анти-загрузочная компания, правительство старалось ставить как можно больше блокпостов на протяжении межштатных автомагистралей, особенно тех, которые проходили через города с центрами «Эквестрии Наяву».

А ведь они наверняка ехали так же, как и я. По этой же самой дороге. Колонны машин с отключенцами, едущих одна за другой по пятому шоссе в Сиэтл, где…

Что ж. Там они получили то, чего хотели, наверное.

Я ускорился, выехав за пределы города, но то плохое предчувствие только усиливалось по мере того, как я приближался к Медфорду. Селестия оставила меня наедине с моими мыслями, которые в основном крутились вокруг одного — что именно я делаю. Она не сказала, с какой скоростью ехать, значит, время было не важно; также

аликорн ни слова не молвила о моей готовности. Видимо, с этим всё было в порядке, но всё равно я был взволнован.

В пяти милях от Медфорда я краем глаза заметил, как включился экран понипада и на нём появилось лицо Селестии.

— Ну привет, — как можно более бодро сказал я. — Хорошо вздремнула?

— Я не сплю, — ответила она. — Пожалуйста, следуй моим указаниям как можно более тщательно.

— Не нравится мне это, — пробормотал я, но всё равно кивнул.

Селестия заставила меня свернуть с магистрали на какую-то окольную дорогу и направила в жилой район города. Только мне стало интересно, что же всё-таки происходит, как я учуял запах чего-то горелого. Чуть позже я их увидел: толстые столбы чёрного дыма, растущие в небо сразу за домами и деревьями, словно сад пепла и тепла.

Она заставила меня ехать именно туда.

— Что там происходит? — спросил я.

— Ты будешь искать семью, которая начала эти пожары, — ответила Селестия, словно можно было одной этой фразой удовлетворить моё любопытство.

— Пироманы? Они любят поджигать?

— Я бы не сказала, что они это «любят».

Я посмотрел на понипад.

— Они отключенцы?

— Нет.

— И сколько их там?

Тишина. Селестия перестала отвечать на мои вопросы.

Подъехав ещё ближе, я начал замечать полностью сожжённые, даже не дымящиеся дома, что показывало, насколько долго здесь находятся эти люди. Я остановился у остатков первого дома и глянул на заднее сиденье, раздумывая, что бы взять с собой.

Конечно же перчатки, а также нож; его легко можно было спрятать в кармане. Может быть, верёвку? Вообще-то, она довольно тяжела, чтобы просто перекинуть её

через плечо. Мгновеньем позже я решил послать всё это к чёрту и не брать ничего особенного.

Респиратор! Вот он подошёл бы идеально! В конце концов, тут куча дыма и всё такое. Конечно, я никак не мог знать, что он мне пригодится, но вот *Селестия*… Я бросил взгляд на понипад на переднем сиденье, после чего выдвинулся, оставив машину на обочине.

Все дома, мимо которых я проходил, были похожи на первый: такие же обугленные и сожжённые дотла. Лужайки рядом с ними чуть почернели, а на одной из них росло опалённое огнём дерево, но кроме этого я не нашёл никаких других следов повреждений. Ни дыр от пуль, ни гильз, ни граффити. Это было непохоже на обычные города.

Ещё до того, как я достиг дымящихся домов, в воздухе здесь и там стали появляться серые струйки; многочисленные ещё не остывшие пепелища порождали восходящие тёплые потоки воздуха, на которых летал пепел и обугленные клочки бумаги. Их было много. После этого появились и сами дома, дающие начало тем столбам, что я видел, подъезжая к этому району. Густой чёрный дым вздымался из двухэтажного магазина, сочась сквозь щёлочки и собираясь под навесами. Некоторые, возможно, всё ещё горели изнутри, но я продолжил идти.

Я обнаружил их в конце дороги, стоящими в середине *cul-de-sac*[3]. Они находились рядом с Шевроле Субурбан, наблюдая за тем, как пламя пожирало очередной дом. Мужчина, женщина и два ребёнка. Спиной ко мне. Приблизившись ещё, я увидел, что мужчина приобнимает их, держа как можно ближе к себе.

Видимо, это и была та самая семья, о которой говорила Селестия.

Быть может, я мог просто подойти к ним, не обращая внимания на те оглушительные трески и стоны, что издавал горящий дом, но, думаю, пугать их было бы плохой идеей, особенно учитывая, каким человеком надо быть, чтобы выжить на Земле в тех условиях. Я видел руки главы семейства, но не матери и детей. Безопасности ради я зашёл в ещё несожжённый дом и встал так, чтобы можно было спрятаться за угол, если они окажутся вооружены.

— Эй! Эй, народ! — Я помахал им обеими руками, показывая, что в них ничего нет. Семья обернулась, ища источник шума; оружия у них не было, так что я остался стоять.

Мужчина что-то сказал женщине и направился ко мне. Его походка была быстрой и очень важной, словно я отвлёк его от важного дела, к которому надо как можно скорее вернуться.

— Эй, простите что отвлекаю, но я увидел дым, подъезжая сюда, и…

---

[3] Тупик (фр)

— У тебя есть деньги? — спросил мужчина. Он был средних лет, чуть тронутый сединой; в его взгляде было что-то весьма тревожное. Голубой галстук свободно свисал с застёгнутого воротничка на порванной во многих местах и щедро присыпанной пеплом рубашке.

Он буквально сбил меня с толку своим вопросом. Увидеть другого человека в последнее время стало совсем-не-частым событием, а этот попрошайничал, словно я просто прошёл мимо него на улице.

— Я, эм… нет, — ответил я. — Зачем они мне?

Мужчина окинул меня оценивающим взглядом и выкатил глаза, словно я задал самый детский и наивный вопрос, какой он когда-либо слышал. Тут в его глазах вновь загорелся огонёк.

— Выверни карманы, — приказал он.

Я отошёл на шаг назад.

— Это что... *ограбление*? — В этот момент я подумал о ноже в кармане. Если он это увидит, то может воспринять как угрозу.

— Нет, просто выверни карманы! — ткнул мужчина мне в грудь пальцем. Я поднял руки, сдаваясь, и сделал то, что он приказал, позволив ножу и упаковке жвачки упасть на газон.

Тот, даже не глянув на нож, ещё раз придирчиво осмотрел карманы, потом встретился со мной взглядом и медленно кивнул.

— Тогда всё в порядке, — заключил он, после чего развернулся на каблуках и пошёл к своим, оставляя меня сгорать от любопытства.

— Стой, подожди! — в конце концов крикнул я, подобрав нож с жвачкой и бросившись вдогонку. Настигнув его у Субурбана, я посмотрел через его плечо на женщину и детей. Одна была девочкой, возможно, раннего подросткового возраста, вторым оказался мальчик не старше четырёх-пяти лет. У них были впалые, вытянутые лица с недоверчивым выражением на них; их глаза казались слишком большими. Дети явно недоедали.

— Всё в порядке? — тревожно спросил я. Но они опустили глаза в асфальт, не давая мне встретиться с ними взглядом.

Мужчина повернулся ко мне.

— У нас всё хорошо, — сказал он. — Нам ещё многое предстоит сделать. Пожалуйста, иди куда шёл.

Я поднял руки. Поднимать тему Эквестрии явно было не самым умным поступком, так что я решил сыграть дурачка.

— Я просто увидел дым и приехал посмотреть, в чём дело. Почему все эти дома сгорели?

— Не твоё дело, — ответил тот, проходя мимо меня к другому боку Субурбана. — Проваливай.

Я окинул взглядом мать с детьми. Находясь так близко к ним, я смог различить страх в их глазах. Их одежда была рваной и грязной. И они всё ещё не смотрели мне в глаза.

Я приблизился к ним и понизил голос.

— Что происходит? — спросил я женщину.

Она подняла глаза посмотреть на что-то за мной. Они резко расширились, и я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть мужчину, замахивающимся на меня чем-то деревянным. Это была лишь вспышка. Мир накренился куда-то влево, а мой мозг зафиксировал касание головы с чем-то увесистым прежде, чем я потерял сознание.

Очнулся я, лёжа на спине на огромной куче денег.

К сожалению, это было далеко не так приятно, как я ожидал. Правая сторона лица онемела и распухла. Над головой висела одинокая лампочка, покачиваясь на проводе, выходящем откуда-то из стропил на потолке, и светя мне в лицо жёлтым грязным светом. На мои запястья и лодыжки что-то давило, и я приподнял голову, чтобы увидеть грубую верёвку, привязывающую меня к деньгам. Купюры лежали столь плотным слоем, что образовывали гладкую, словно стол, поверхность. Прикреплённая к одной из стропил простыня свисала вниз, касаясь кончиком моих лодыжек. Я практически не мог пошевелиться.

Я попытался повертеть шеей, чтобы осмотреться, но увидел в царящем здесь полумраке лишь дальнюю, абсолютно голую стену; просто блоки шлакобетона от пола до потолка. Мне ничего не оставалось делать, кроме как вернуть голову в исходное положение на довольно жёсткую кровать из денег и тупо смотреть вверх.

Через минут двадцать пронзительно-звенящей тишины в ушах, я неожиданно уловил еле слышимые отголоски беседы, идущие откуда-то сверху. Их громкость постепенно росла, но разобрать, о чём там говорили, всё ещё было невозможно; когда шаги начали раздаваться прямо надо мной, с потолка посыпалась мелкая крошка,

мгновенно попавшая мне в рот и глаза. Я быстро заморгал и попытался выплюнуть, что мог, но, услышав звук поворачивающейся дверной ручки, расслабился и закрыл глаза.

Стоило двери открыться, как я сразу узнал голос мужчины.

— …когда мы уйдём с этого шоссе, возможно, поедем на восток.

Женский голос.

— Ты подумал о Шарлотте?

— Как только я покончу с делами здесь, я перестану делать это. Обещаю.

Её голос звучал расстроенно.

— Нет! Я тебе уже не верю! Ты говорил то же самое ещё в Сан-Франциско, а теперь посмотри, где мы. Кит, мы почти… эти *люди* чуть не…

Судя по звукам, по деревянным ступенькам зашагали двое.

— Я позаботился о них, скажешь нет? — Последовала пауза. — Этот закончит так же. *Он* сам подошёл *к нам*, Джейн, и у меня есть полное право…

Её изнурённый голос чуть не сорвался.

— Но он не хотел вредить нам, Кит! Ты подошёл к нему, а потом просто ушёл. Может быть, он потерялся и искал хоть кого-нибудь, с кем можно поговорить. Увидел дым и захотел посмотреть, кто здесь.

Я услышал звук пощёчины, явно нанесённой довольно увесистой ладонью; он отозвался вибрацией жёстких бетонных стен. Послышался плач.

— *Я* глава семейства, Джейн. *Я*. Я забочусь о нашей семье. А такие, как он? Они только мешают. Они воры. Они будут воровать и воровать, снова и снова, пока не отберут всё, что у нас есть. Но это не будет длиться вечно, и когда всё снова наладится, ты поблагодаришь меня за всё то, что я сделал, за свою жизнь. Вот увидишь.

Я слышал приглушённые всхлипы Джейн, и внезапно почувствовал что-то холодное, мокрое и едкое на руках, ногах и лице. Когда это закончилось, я изо всех сил старался не закашлять от запаха, который ни с чем не перепутать — запаха бензина. Когда Кит вновь заговорил, его голос был гораздо мягче.

— Слушай, давай ты сходишь наверх и скажешь детям, чтобы они были готовы. Я покончу с домами на этой улице, и мы поедем в Бойсе. Это не займёт много времени.

Я вновь услышал их шаги на лестнице; Джейн тихо плакала от удара. Я выждал двадцать секунд после закрытия двери и только тогда позволил себе кашлянуть, стараясь отогнать этот запах от лица.

Сердце стало бешено биться. Я скосил глаза на деньги внизу и заметил, что те тоже были пропитаны бензином. Всё это могло служить лишь одной цели, и я отнюдь не хотел быть здесь, когда она будет достигнута. Но попытки освободиться оказались тщетны: запястья были очень хорошо примотаны к куче.

Я почувствовал панику, постепенно зарождающуюся где-то в горле и готовую выплеснуться, заставляя меня бешено метаться в путах, безуспешно борясь с воздухом. Я прекрасно понимал, что надо оставаться холодным и спокойным и придумать что-нибудь, но в голову ничего не шло. Все идеи требовали применения рук, кои были привязаны и не собирались в ближайшее время менять своё положение.

Вновь глянув на деньги, я кое-что приметил, и это кое-что подарило мне полезную мысль.

Но до того, как я успел начать действовать, дверь опять открылась, и я вновь прикинулся спящим, впрочем, глядя сквозь слегка приоткрытые глаза, Кит ли это. Я не могу с ним драться, но, быть может, получится его образумить.

Однако то был не он. По лестнице спускалась и нервно мяла собственные руки девочка. Я открыл глаза, но ничего не говорил, ожидая, пока не встречусь с нею взглядом.

Когда это произошло, я сказал:

— Привет.

— Привет, — ответила она, смотря куда-то вбок.

— Меня зовут Грэгори. — Я старался сохранять хладнокровие. — А тебя?

— Кэти, — сказала она после секундного промедления.

— Приятно познакомиться, Кэти. Сколько тебе лет?

— Тринадцать.

Мои глаза наконец-то полностью привыкли к темноте. Я глянул на дверь, ведущую наверх, и кивнул в её сторону.

— Кэти, этот человек наверху — твой отец?

Она кивнула.

— Ты знаешь, что он собирается со мной сделать?

Девочка чуть замялась, но потом вновь кивнула.

— Он… он уже д-делал это раньше.

Моё сердце вновь принялось отстукивать ритм отбойного молотка; я постарался не выдать в голосе растущего отчаяния.

— И тебе кажется это *нормальным*?

Она решительно потрясла головой.

— Нет! Но… если мы пытаемся… нам нельзя говорить об этом.

Я делал всё, что мог, чтобы удержать её взгляд.

— Кэти, — очень медленно произнёс я. — Ты должна мне помочь. Ты должна развязать меня. Я не смогу помочь тебе в таком состоянии.

— Но тогда вы раните папу.

— Я не собираюсь делать ничего плохого ни ему, ни кому-либо ещё, я просто хочу выбраться отсюда, — сказал я. — Если ты развяжешь меня, я просто выскользну из дома, и это будет смотреться, будто я убежал сам.

— Нет, не будет. Я здесь, чтобы присматривать за вами, пока папа не вернётся.

Я опять опустил голову на «кровать» и глубоко вздохнул, приводя мысли в порядок. Сейчас или никогда. Конечно, сделать это будет намного труднее с двумя людьми, хотящими, чтобы я навсегда остался в этой комнате, и если девчонка не станет мне помогать, то у меня будет совсем не большая фора.

Я качнулся в одну сторону настолько, насколько только хватило сил потом в другую, расшатывая кучу с деньгами. Кэти отошла на шаг назад.

— Что вы делаете? — спросила она.

Я не ответил, безмолвно продолжая раскачиваться и приобретая всё большую и большую амплитуду. Верёвка начала безжалостно врезаться в запястья; менее всего этот процесс нравился моим плечам, но в конце концов я добился хоть какого-то результата в виде кучки денег, отделившейся от «кровати» и рассыпавшейся по полу.

— Прекрати это! — крикнула Кэти, и я посмотрел на неё.

— Я не хочу здесь умирать, — сказал я. — А раз ты не собираешься мне помогать, придётся выбираться самому.

Всё больше и больше денег падало на пол по мере моего раскачивания и дрыганья во всех направлениях, в которые я только мог. Деньги не были ни привязаны к чему-либо,

ни даже скреплены между собой: просто отдельные купюры. До этого я уже понял, насколько ненадёжная была эта конструкция. Надо было просто хорошенько её расшатать, чтобы сработал эффект карточного домика.

— Папочка! — закричала девочка, бросаясь к лестнице. — Папочка!

В тот момент я осознал, что отныне время играет против меня. Куча уже порядочно поредела, и стало видно, что верёвка, связывающая меня, скрепляла также и деньги, оборачиваясь вокруг деревянного поддона на полу. Если мне удастся развалить эту конструкцию, то поддон перевернётся и даст мне достаточно свободы, чтобы скинуть с себя путы.

Звук шагов заставил меня посмотреть вверх, где я и увидел Кита с Кэти, спускающихся вниз по лестнице. Лицо мужчины было свекольно-красного цвета; в одной руке он держал коробок спичек, в другой бейсбольную биту. Я удвоил усилия, почувствовав, как одна из боковых сторон поддона уже коснулась земли, впрочем, сразу же взмывая обратно в воздух. Куча денег подо мной задрожала. Уже совсем скоро.

Кит занёс свою биту над головой, словно палач, и я напряг мышцы живота, ожидая удара. Тот последовал незамедлительно, придясь прямо в солнечное сплетение, и, несмотря на все приготовления, я всё равно не смог удержать воздух внутри. Холодная, пронзительная, пульсирующая боль разошлась по груди и рёбрам, и я открыл рот настолько широко, насколько только смог, стараясь заполнить появившийся в лёгких вакуум. Я попробовал опустить голову обратно, но обнаружил, что деньги, служившие для неё подставкой, упали. Видимо, он ударил меня столь сильно, что обрушил добрую половину кучи.

— Папочка, не надо! — прозвучал крик Кэти, и я посмотрел вбок как раз вовремя, чтобы увидеть, как мужчина повернулся к дочери. На один до ужаса короткий, отвратительный момент я подумал, что он ударит и её в порыве ярости, но Кит застыл, занеся биту.

Следующие несколько секунд все мы замерли, словно статуи (хотя я и старался всеми силами вернуть себе контроль над дыханием). Бита выпала из рук мужчины, глухо стукнувшись о пол. Лицо Кита, теперь смотревшего на дочь, поменяло цвет на практически фиолетовый; на его шее явственно проступили вены. Впрочем, он отвлёкся, и я, воспользовавшись моментом, вновь стал как можно более тихо работать над собственным спасением.

— Ох, дорогая, прости меня! — сказал он, практически срываясь на плач. Я отвёл от них взгляд, полностью сосредоточившись на выворачивании из пут. — Мне очень жаль, что тебе приходится смотреть на всё это. Но этот мужчина, он вор. Он старается помешать нам опять поднять ценность доллара. На Земле осталось слишком мало

людей, доченька! А в мире ещё столько денег. Помнишь, я рассказывал тебе об одном-единственном способе сократить инфляцию? Что надо сделать?

Через несколько секунд молчания Кит заговорил вновь, но в этот раз уже с еле уловимой, но абсолютно безошибочно-опасной ноткой в голосе:

— Ну?

— Мы… мы должны уничтожить деньги.

Тут его голос стал столь ласковым и нежным, словно он говорил с детсадовцами.

— Именно, дорогая! Чем меньше денег остаётся, тем выше их ценность. Я знаю, путь к этому неприятен, но обещаю тебе, что когда Земля возродится, мы станем самыми богатыми в мире людьми!

Деньги под моими ягодицами казались очень, очень неустойчивыми. Они ходили из стороны в сторону при каждом моём движении торсом, хотя это теперь и доставляло мне боль. Впрочем, последующие слова Кита здорово помогли мне справиться и с этим:

— Если ты не хочешь смотреть на это, иди наверх и помоги своей матери.

Теперь нет никакого смысла вести себя тихо.

Хорошенько двинув жопой, я обнаружил, что деньги под моим центром тяжести наконец-то обрушились и превратились из стройных рядов в беспорядочную лавину, утянувшую меня за собой. Давление на запястья и лодыжки немедленно ослабло, и я в конце концов смог ими шевелить.

Кит забрался на меня и стал душить; его лицо опять становилось фиолетовым, а глаза были полны гнева без малейшей капельки сознания. Я знал, как освободиться от удушающего захвата, но мои руки были всё ещё связаны, поэтому всё, что я мог сделать, это поместить свои руки между его и изо всех сил толкнуть.

Он определённо не ждал от меня сопротивления. Мне удалось освободить горло от одной из его рук, которая, впрочем, сразу же ударила меня в челюсть. Взамен я стал пинаться ногами; наши борющиеся тела подняли вверх тучу денег, которые теперь медленно падали вниз, словно снег.

— Прекратите! — послышался вопль Кэти. — Папочка, Грэгори, хватит!

Я был слишком занят для ответа. Мне наконец-то удалось просунуть одну ногу между собой и Китом и очень сильно ударить его в грудь, заставляя мужчину буквально слететь с меня и откатиться назад. Он восстановил равновесие, но я уже вовсю работал над окончательным освобождением из пут.

Но Кит всё ещё держал в руках спички. Вспышка целого коробка привлекла моё внимание; он держал их под своим лицом, освещая его снизу.

— Кэти, иди наверх.

— Папочка, пожалуйста, давай просто уйдём.

— Кэти, *иди*.

— Нет! Я не позволю тебе…

Кит бросил в меня горящий коробок. Я отклонился в сторону, и тот пролетел мимо, угодив прямо на деньги, всё ещё окружавшие меня. Они мгновенно воспламенились.

Кэти закричала и, к моему (а также Кита) удивлению, бросилась в огонь, пытаясь развязать верёвку на моих запястьях. Огонь быстро распространялся и уже лизнул свисающую с потолка простыню. Судя по всему, она тоже была пропитана бензином, поскольку тут же загорелась, передавая пламя дальше, на деревянные стропила, и ещё до того, как Кит приблизился к дочери, оттуда пошёл дым.

Он обхватил девочку и стал оттягивать её от меня.

— Кэти, мы уходим!

Меня окружали горящие деньги, и огонь быстро приближался. Я поднёс к нему свои руки в попытке сжечь опутывающую их верёвку, пока Кэти боролась с отцом.

— Не сжигай его! Пожалуйста! Я не хочу опять слышать эти вопли!

Кит тянул и отталкивал от меня дочь, но та не сдавалась. Моя правая рука уже покрылась ожогами от медленной прожарки на открытом огне, который не преминул перескочить мне на грудь, сжигая рубашку. Откуда-то сверху раздался протяжный, похожий на раскат грома треск. Потолок был первым, кому достался удар пламени, и теперь дом явно испытывал его на прочность.

И тут Кэти развязала мою ногу.

Я окончательно выдернул её из пут, поставил на пол и оттолкнулся, скользя на деревянном поддоне подальше от них. Это потревожило ранее спокойно лежавшие деньги, и они плотным слоем окутали мою правую руку, словно стараясь сжечь её дотла. Я заорал и вскочил на ноги, пытаясь сбить пламя с руки и рубашки.

Кит видел, что я поднялся, и стоило мне только наконец-то скинуть верёвку, до этого обвязывающую поддон, как мужчина врезался в меня, чуть не кинув обратно в горящую кучу денег. С потолка, уже вовсю стонавшего и скрипевшего, начала сыпаться

грязь и пыль, просачивающаяся сквозь гнущиеся половицы. Дым опускался всё ниже и ниже, и от одного только его запаха мне хотелось раскашляться.

— Вор, поганый гнусный вор, *ты вор, вор, вор*…

И тут мы слились в смертельном танце: Кит пытался затолкать меня обратно в огонь, а я изо всех сил старался держать от него на расстоянии. Хотя руки мои и были до сих пор связаны, я получил столько свободы после избавления от кучи денег, что это не имело никакого значения. Кит был чуть меньше и определённо старше меня, но это жуткое безумие придавало ему сил. Мы оказались в смертельном тупике. Огонь уже лизал мои пятки.

— Папочка!

Я увидел руку, приобнявшую его за шею. Мужчина чуть обернулся, и показалась Кэти, повисшая на шее отца и тянущая его назад, подальше от меня.

— Папочка, нам надо у…

В этот момент вниз, словно гильотина, рухнула одна из деревянных стропил, сопровождаемая целым облаком углей и золы; в подвал сквозь образовавшуюся дыру мгновенно посыпались горящие обломки, от которых повалил густой чёрный дым. Кит лежал на полу, одна его нога была придавлена пылающим обломком; Кэти нигде не было.

— Кэти! *Кэти*! — Голос мужчины продолжал повторять «Кэти» снова и снова, каждый раз на тон выше, чем раньше, пока его голос не превратился в пронзительный свист, вновь и вновь произносящий те два слога, что когда-то были именем его дочери.

Я схватил руку Кита и потянул.

— Нам надо уходить! — проорал я, стараясь перекричать растущий рёв огня; жар стоял просто нестерпимый. Было больно даже дышать. Грудь, лицо, живот и пах буквально наказывали меня болью с каждым ударом сердца.

Но Кит больше не понимал, что я рядом, где он вообще находится и даже то, что его собственную ногу охватил огонь. Мужчина только продолжал, срываясь на визг, выкрикивать её имя, впиваясь руками в тяжёлую, объятую огнём балку, стараясь её отодвинуть. Я видел, как его руки покраснели, потом покрылись волдырями, но тот словно не заметил: ни единого крика боли. Только имя «Кэти».

Я чувствовал, что скоро отключусь. Не знаю, от боли ли или от жары, но это было неважно. Пройдя мимо Кита к лестнице, уже скрытой за густой завесой дыма, я оглянулся; девочку не было видно даже отсюда. Бросив прощальный взгляд на её отца, я хорошенько вдохнул, закрыл глаза и забрался по лестнице.

Мои руки нащупали дверную ручку, и я упал на колени, оказавшись на кухне. Дым с радостью потёк через новую дыру, присоединяясь к тому, что уже витал над полом. Тут дом вновь содрогнулся, и я в буквальном смысле почувствовал, как из-под меня уходит опора. На четвереньках огибая дыру, я добрался до стеклянной двери с другой стороны комнаты, открыл её и буквально вывалился на задний двор.

Меня окружил холодный, свежий воздух, и я с радостью поддался искушению, вдыхая его полной грудью и выкашливая дым. Несмотря на то, что, казалось, все мышцы взбунтовались против меня, я поднялся на ноги и поплёлся к встроенному в фундамент крану, служившему для полива газона. Я на полную открыл его, подставляя ледяной воде правую руку, успокаивая боль от ожогов и промывая те места, куда попали обгоревшие остатки денег. На рубашке зияла прожжённая дырка размером с чайное блюдце; ожог под ней оказался довольно немаленьким, но, к счастью, не очень серьёзным.

Дом медленно разрушался. Были слышны оглушительные звуки ударов и страшный грохот, что могло значить только одно: мебель и бытовая техника начала падать вниз сквозь потерявший прочность пол. Стены дома стали постепенно сжиматься, готовые в любой момент упасть вовнутрь. Я обошёл дом, стараясь держаться подальше от адского жара пламени, и увидел рядом с Субурбаном Джейн с маленьким мальчиком, наблюдавших за этим пеклом.

Дом, который Кит выбрал в качестве моего крематория, стоял в другом конце того самого cul-de-sac, откуда всё началось. Стоило приблизиться к ним, как женщина кинулась ко мне.

— Где они, где они, где они, *где они*… — беспомощно лепетала она. Я смог только покачать головой, видя, как её лицо сковывает маска абсолютного ужаса. Она попыталась пробежать мимо меня, но я схватил её за руку. Джейн пыталась вырваться, но не смогла.

Женщина *выгнулась* в сторону дома, крича:

— Пусти меня! Пусти меня, ты, поганый сукин сын! Пусти!

— Их больше нет, Джейн! — перекрикивал её я. — Они ушли, ты их не вытащишь, они в подвале, лестница деревянная, ты им уже не поможешь!

— Заткнись! Заткни пасть, убийца! Ты убил их, убил, убил! — Силы её покинули. Она упала на колени и зарыдала.

— Я не убивал их, — тихо проговорил я, медленно отпуская её руку и опускаясь на колени рядом. — Ты знаешь, кто начал пожар. Только благодаря твоей дочери я сейчас жив. Кэти *спасла мне жизнь*, Джейн.

Её глаза налились кровью, превращаясь в два тёмных круга; зрачки бешено вращались и прыгали вверх-вниз, словно читая невидимую книгу.

— Нам, н-н-нам надо позвонить куда-нибудь, в пожарную и…

— Пожарных больше не осталось, Джейн, и полиции тоже. Ты сама это знаешь. Но ты должна помнить, что до сих пор жива. Что рядом находится твой ребёнок, и он нуждается в тебе.

Когда люди паникуют, когда совершают необдуманные, нелогичные поступки в минуты ярости, горя или ужаса, вы должны посеять внутрь них семя мотивации. Даже если кажется, что они вас не слышат, это семя пустит корни. Джейн, например, всё ещё пыталась придумать невозможный способ, чудо, которое спасло бы её мужа и дочь, которые уже были мертвы.

Мальчик подошёл к нам и присел рядом с матерью. Он посмотрел на неё, понимая, что что-то не так, но, видимо, не зная, что именно. Джейн прижала к себе сына, уткнувшись ему в волосы, рыдая, и мы втроём наблюдали за догорающим домом.

Когда тот в конце концов разрушился до основания, она сидела на том же месте, раскачиваясь и обнимая своего сына, чуть дольше, чем стоило бы. Но я не стал им мешать.

Ближайший центр «Эквестрии Онлайн» был в Медфорде, не очень далеко отсюда.

Я не думал, что Джейн будет в настроении разговаривать, но её было не остановить. Волосы жирные и свалявшиеся; глаза опухли от рыданий. Она выглядела, словно наркоман во время ломки. Женщина облокотила голову на боковое стекло, без интереса наблюдая за проносящимися мимо видами.

— Кит раньше… до этого был инвестиционным банкиром. Когда в новостях стали докладывать о резком падении населения, он даже не встревожился. Когда все каналы стали рассказывать о Топикийском Инциденте, он и глазом не моргнул. Услышав новости о беспорядках и бунтах в Бостоне, Далласе и Солт-Лейке, Кит сказал: «Не волнуйся, всё будет в порядке». Но когда обрушился рынок, он просто… — Джейн вскинула руку. — Он просто *сломался*. Он постоянно находился на грани срыва, разговаривал ни о чём, пытался придумать способ, как вернуть всё на место, но он просто не понимал… не понимал, что всё рушится прямо на глазах, и не было никакого смысла ломать над этим голову.

Я позволил ей продолжать. Ей и не нужен был диалог, она просто хотела поговорить хоть с кем-нибудь. Мне знакомо это чувство.

— Он был одержим деньгами. Самой идеей. Кит постоянно повторял: «Всё наладится, обязательно наладится». Но этого так и не случилось. Он потерял контроль, и эта мысль сводила его с ума.

С заднего сиденья раздался смешок. Мальчик сидел, держа перед собой понипад, а Селестия развлекала его математическими головоломками.

— Что ж, Брайан, — сказала она. — Если у меня будет двенадцать бананов, и три из них я пошлю на Луну, сколько останется в Эквестрии?

Подумав пару секунд, мальчик ответил:

— Девять?

— Потрясающе, Брайан! — похвалила его Селестия. — Ать, ать, ать, ать! — Что бы аликорн ни творила на экране, для него это было смешно. — Судя по всему, мне придётся сделать тебя своим особенным студентом, когда окажешься здесь, в Эквестрии!

— Сколько ему лет? — спросил я Джейн.

Она посмотрела на меня, чуть улыбаясь.

— Через три месяца исполнится пять.

Я поднял брови.

— Четыре года и уже умеет вычитать? Ух ты!

— Да! Он… он очень умный ребёнок. — Она опять уткнулась взглядом в колени; в глазах появились слёзы.

Пришлось спросить:

— А почему вы не загрузились до этого?

Джейн покачала головой, всё ещё глядя вниз.

— Я хотела! Господи, как же я этого хотела. И Кэти тоже… — Она пару раз всхлипнула перед тем, как продолжить. — Сначала Кит сказал нет, потому что хотел дождаться рождения Брайана. Потом он сказал, что не хочет подвергать риску младенца. Наш сын всегда был оправданием, но стоило ему подрасти, как Кит вбил себе в голову, что может всё исправить к тому времени, как экономика вновь наладится. — Она посмотрела на меня с горькой улыбкой. — Вы знаете, как *это* закончилось.

— Либо загружаться всем вместе, либо не загружаться совсем?

Джейн кивнула.

— И поэтому он таскал нас по всей стране. Всё, чем мы занимались… мы просто сжигали деньги. Все, которые только находили. Кит постоянно обещал прекратить,

сначала после Сан Диего, потом последовал Бейкерсфилд, за ним Сан-Франциско… но его святым Граалем всегда был Шарлотт. Он был им одержим.

— В Шарлотте располагалось огромное количество банков, — сказал я. — Это имеет смысл.

— Он думал, что может в одиночку возродить доллар, делая его всё ценнее и ценнее, — продолжала Джейн. — У него… словно отключилась часть мозга, он не хотел принимать, что деньги отныне бесполезны, что никто их не тратит, не *принимает*. Деньги были всем, что он только знал.

— Я вижу, ты ладишь с числами, — сказала Селестия позади, — а как у тебя с чтением, Брайан?

— Замечательно! — мгновенно отозвался тот. Аликорн рассмеялась. Даже Джейн не смогла удержаться от улыбки, хотя и недолгой.

— Сейчас посмотрим! У меня есть для тебя длинная, сложная фраза. — Раздался тихий скрежет мела по доске.

— Дружба — это магия! — крикнул Брайан, явно гордясь собой.

— Ничего себе, да ты прав! — похвалила мальчика Селестия, и вновь раздалось её «ать, ать, ать, ать», заставившее ребёнка заливаться хохотом. — Дружба очень важна для меня и, надеюсь, для тебя! Я научу тебя всему, что о ней знаю.

Я посмотрел на Джейн. Она опять уткнулась в окно, наблюдая за проносящимся мимо миром.

«Эквестрия Наяву» в Медфорде оказалась совсем небольшим и скромным центром, здорово отличаясь от своих высококлассных собратьев на Пенсильвания Авеню (Округ Колумбия) или на 34-ой улице в Нью-Йорке. Здесь было всего три кресла; каждое из них выдвинулось в ожидании.

Джейн аккуратно посадила сына в кресло, поудобнее устраивая его, пока лицо Селестии «наблюдало» за ними с экрана в коридоре.

— Джейн, — сказала аликорн. — Брайану ещё нет тринадцати, так что если он будет эмигрировать, боюсь, с ним должен отправиться родственник или законный опекун.

— Это хорошо. — Женщина выглядела очень усталой. — Потому что я тоже эмигрирую.

Чёрт возьми, улыбка Селестии смотрелась прям как настоящая. Она определённо была хороша в этом.

— Отлично. Пожалуйста, усаживайтесь, и мы увидимся, когда вы проснётесь.

— Я очень сожалею о вашем муже и дочери. — Я чуть было не выдал в подробностях, что именно произошло там, в подвале, но вовремя остановился. Я хотел, чтобы она думала, что единственное, что я мог сделать, — это умереть там вместе с ними, и детали произошедшего уж точно не подтвердили бы эту версию.

Женщина кивнула, не в силах посмотреть мне в глаза.

— Когда ты теряешь кого-нибудь, ты думаешь: «Как это ужасное чувство может куда-то уйти?». — Она выдохнула. — Но оно уйдёт, я знаю, обязательно уйдёт. Я уже прошла через это, когда умерли мои родители. Я всё ещё люблю их обоих. Кит просто не справился. Мы… в Сан-Франциско мы… — Джейн потрясла головой. — Я уверена, если бы всё это продолжалось, нас бы рано или поздно убили. У меня такое чувство.

Она отвернулась от меня и села в своё кресло. Заработал механизм, унося мать и ребёнка в кабинки. Третье кресло всё ещё было свободно и сейчас одиноко глядело на меня.

— Ты хочешь эмигрировать в Эквестрию, Григорий? — спросила Селестия.

— Нет, — ответил я. — Но я определённо хочу лекарства, мазь и бинты для руки.

— Я приношу извинения за твои ранения. Я направлю тебя к ближайшей аптеке.

— Спасибо. — Я вернулся было в приёмную, но остановился у двери.

— Что такое, Григорий?

— Я справился? Ну, с этим, — показал я в сторону кресел.

— Было бы оптимальным, если бы ты доставил сюда всех четырёх членов семьи, — сказала Селестия, — но предчувствие Джейн ей не лгало. Без твоего вмешательства, согласно моим прогнозам, их всех ждала скорая смерть от небольшой банды байкеров на западе Нэшвилла.

— Мне от этого не легче.

Аликорн улыбнулась; её грива сверкнула позади.

— Я говорю, что ты сегодня спас две жизни, Григорий, а не что это *стоило* две жизни. Я уже довела до логического конца все случаи, когда для спасения людей достаточно было лишь понипада и нескольких правильно подобранных слов. Теперь для этого нужны такие хорошие люди, как ты… пока что.

Я поджал губы.

— Ты говорила, что эти люди не отключенцы.

— Верно.

— Но Кит…

— Поверь мне, Григорий, — из голоса Селестии пропала малейшая толика веселья, — ты ещё не встречал настоящего отключенца, но это вскоре изменится. Отключенец станет твоим следующим заданием, кое-кто, с кем, мне кажется, можешь справиться только ты.

Я посмотрел на улицу сквозь стеклянные двери центра.

— Давай найдём ту аптеку.